

Антон ЕРМОЛИН

Антон Ермолин родился в 1993 году в Челябинске. Окончил филологический факультет Уральского федерального университета в Екатеринбурге. Работал электриком, продавцом, журналистом, слесарем. Печатался в журналах «Урал», «Дружба народов» и др.

ПЕТЯ И ВИКТОРИЯ

Рассказ

1.

Пете нравилось оставаться летом у бабушки. Она жила на окраине города, где старые пятиэтажки были вперемежку с ещё более старыми двухэтажками, с виду уютными, как песочница. А вокруг кипели зелёные деревья, пушились и пускали ветви во все стороны. Они безбоязненно укрепляли свои многолетние стволы и переплетались друг с другом там, наверху.

Петя вместе с друзьями строил шалаши на деревьях или в густых зарослях. Ещё он ловил больших пауков-маток (с большим брюхом), сажал в банку, кормил, чтобы потом вылупились паучата. Он отпускал матку вместе с паучатами, зайдя подальше в заросли. А банку оставлял для следующего раза, для другой матки-паука. Много было дел и приключений.

Гуляя как-то раз с друзьями, он наткнулся на мешок с трупом.

Мешок лежал в кустах, в нескольких шагах от шпал.

Вдохновившись находкой, они пошли к рынку, чтобы вызвать милицию по таксофону (тогда ещё работали таксофоны).

И потом несколько ребят, человек семь, ждали долго и деловито милицию у железной дороги.

Пока не ушёл один друг...

Потом ещё двое...

Ещё и ещё...

И вот остался один Петя.

Он ждал до последнего, пока не стало совсем поздно. Тогда он подумал о своей бабушке, которую он любил. Больше всех на свете. Нужно было возвращаться вовремя домой.

А милиция так и не пришла.

На следующий день один мальчишка из вчерашней компашки рассказал, что его отец знает правду: на самом деле это задавленная собака. Их много сбивают на путях, бедных собак, и железнодорожники суют их в мешки, прячут в кустах. И таких мешков много около путей. Потом железнодорожники сами должны убрать их куда-то.

Похоронить, может быть, бедную сбитую собаку...

А ещё в их мальчишеской компании была девочка, в которую Петя быстро влюбился (или она влюбила его в себя?).

И больше никто из девчонок так не вникал в дела мальчишек, как она.

Её звали Вика, она была короткостриженная, худенькая, как палка (именно так подумал Петя, когда увидел её в первый раз).

И у неё были открытые глаза...

Петя не замечал никогда у мальчишек таких открытых глаз, оттого понял вдруг, что она была не как палка, а как маленькая лёгкая птичка.

«Вот бы улететь с ней далеко», – даже подумал он однажды.

Петю, если честно, можно назвать странным мальчиком. Потому что он любил запрятаться подальше в зелень, туда, где было тихо, лучше рано утром, и сидеть там, думать... А ещё хорошо запрятаться вечером, перед закатом, когда начинает стрекотать

сверчок. Очень хорошо, если рядом начинает стрекотать сверчок и можно думать о том, о чём ему, Пете, захочется.

Можно ещё сидеть в шалаше, построенном вместе с друзьями.

Ребята однажды затеяли дежурство в этом шалаше, охрану, как взрослые, и кто-то тут сидел утром и вечером на посту, хотя бы один мальчик.

Петя чаще других оставался на дежурство.

На самом деле дежурство быстро бы забылось, и только благодаря Пете прижилось надолго, на целый месяц. Он любил расположиться на боку в шалаше или сесть спиной к ветвистой стенке и думать...

Обдумывать всё на свете...

Чёрт его знает, что он там думал в свои сколько-то там лет. И в одно из таких дежурств, когда Петя устал думать и стал зевать, пришла Вика.

Лёгкая, как птичка, с открытыми глазами...

И вот как это было.

Начался дождь, и Петя сел подальше, вглубь шалаша (шалаш был на земле, стены и крыша сделаны из веток, и поверх крыши лежал полиэтилен от дождя). Ручейки воды скоро потекли по земле, образуя лужу и приближаясь к Пете.

И тогда пришла Вика.

Она тряслась от холода и поползла до Пети почему-то на четвереньках.

Села близко-близко к нему...

Отстранённо глядя непонятно куда...

Петя, конечно, не догадывался, что это был сон.

Во сне он захотел сделать что-то против дождя, не для себя, а для Вики. Для этого он взял один из кусков полиэтилена с крыши и постелил между собой и Викторией – она переместилась на него, неясно, благодарно или нет, как-то молча...

А потом сон закончился, потому что в реальном мире пришли друзья. И в реальном мире действительно был дождь, и двое друзей пришли вместе с Викторией прятаться от дождя. У неё были большие открытые глаза, короткая стрижка, и чёлка съехала набок, потому что волосы у Вики намокли.

Друзья принесли с собой два пустых мешка из-под картошки (по пути, что ли, взяли, с помойки?). Ребята отдали Пете первому один из мешков, потому что он тут охранял. Второй мешок отдали Вике, потому что она девочка. А эти двое ребят сидели просто на земле в углу и ждали, пока кончится дождь.

Потом ручёек дождя достал кончик мешка, в который Вика залезла ногами (Петя просто сидел на мешке). Петя посмотрел и увидел, что дождь намочил край мешка, глянул на Виду и хотел спросить, не холодно ли ей?

Но сказать постеснялся и только заметил, как покрылась мурашками её гладенькая кожа на тонкой руке...

Дождь шёл долго. Двое друзей взяли один полиэтилен с крыши, как сделал Петя во сне, и подложили под себя. Они тоже покрылись мурашками, стучали зубами. И стали рассказывать друг другу байки, чтобы не мучиться холодом и скукой.

Что вот мыши, например, появляются в такой слякоти.

И лягушки тоже.

Такие байки...

Петя же влюбился безвозвратно в Виду, в ту минуту, когда она устала ждать, пока кончится дождь, и положила голову ему на плечо.

Тогда он ощутил впервые сильное потрясение и душевный подъём.

И теперь готов был сделать для Вики всё что угодно.

И почему-то это было приятно и страшно в одно и то же время.

2.

На следующий день погода совсем испортилась, на улице было хмуро. На небе белыми скудными трещинками проглядывало солнце.

А Петя забыл, что любит Вику, потому что снова охранял (теперь в спортивном костюме, из-за промозглости) и был занят своими мыслями, чёрт-те знает, какими, в свои сколько-то там лет.

Он почему-то представлял, как бы здорово уметь летать над городом, смотреть на бабушкин дом, на рынок, на дорогу, ведущую дальше в город, с окраины в центр.

Как бы здорово залететь подальше в бор, который находится на другой окраине города...

Найти самое высокое дерево...

И построить шалаш на самом верху...

Правда, неясно, как это технически сделать.

Но дело не в этом.

Что-нибудь можно придумать, как говорит его отец.

Один рабочий, например, лезет на самый верх, а другой принимает стройматериалы по веревке, перекинутой через толстую ветку. Как-нибудь так...

Отец его, вахтёр-разнорабочий, рассказывал, как у них там на стройке домов было такое, на Дальнем Севере.

И будет там она, Вика...

Именно о ней он подумал, уже засыпая.

Вика и Петя, они будут жить там, наверху, и смотреть на мир внизу, и разговаривать с деревьями и птицами. Стучать по коре дерева, давая знак другим жителям леса – вот мы здесь, с вами живём, здравствуйте, жители леса...

Однако сон у Пети чуткий, потому он услышал, что идут *они*.

Их называют старши~~ки~~.

Петя насторожился.

Они появились за мгновение, неожиданно, как бы из-за угла.

Они были высокими, самоуверенными.

И казалось Пете, что они знают обо всём на свете, что даже и бабушке не снилось.

И вот один старши~~к~~, с газировкой «Колокольчик» под мышкой, сел на корточки перед Петей, в спортивном костюме зелёного цвета...

– Сидишь, Петруха?

– Сижу, – ответил Петя.

Он весь подобрался.

Сел прямо.

Испугался старшиков, но и не испугался одновременно.

Они вообще-то были неплохие ребята, просто могли побить из-за всякой ерунды. Ну так, понарошку побить. Петя не боялся.

– Охраняешь, что ли? – спросил старши~~к~~ в зелёном.

Второй стоял рядом и грыз «Бомбастеры» из большой пачки, зажатой в руке.

– Просто нравится здесь утром, я и охраняю, – ответил Петя.

– Красавчик, – старши~~к~~ в зелёном достал из кармана сладкий порошок из магазина, с надписью «Баба Яга», вкусную шипучку. Он открывает ловко, одним движением, и немножко порошка сыплется на землю. – Протягивай кулёк, Петруха.

Петя без сопротивления делает как сказано и получает в сложенную из рук лодочку (которую называли кульком) большую порцию.

Отправляет в рот целиком и чувствует, как порошинки лопаются во рту.

Старши~~к~~ ловко стряхивает прилипшие остатки со своих ладоней, ставит газировку перед собой, откручивает крышку, протягивает Петрухе бутылку.

Петя пьёт и чувствует, как сводит зубы то ли от холодной воды, то ли от самого её вкуса.

– Ну, давай, Петруха, охраняй, – старши~~к~~ в зелёном закрывает «Колокольчик» крышкой и собирается уходить.

И *они* ушли...

Свернули за угол...

Исчезли, как будто их и не было.

Петя ненадолго остался один...

Думал...

Не прошло и часа, как появилась Вика. Она возникла тоже незаметно, как чёрная кошка поперёк дороги, как змея ползущая, как птичка лёгонькая, быстро прилетевшая из каких-то там краёв. Смотрит на него, улыбаясь, и глядя сверху вниз:

– Привет. Можно с тобой посижу?

– А ты чего так рано? Ребята позже приходят обычно, когда выспятся...

– А я мало сплю. Не люблю я спать. Встаю рано вместе с бабушкой.

– У тебя тоже есть бабушка?

– А как же? У всех есть бабушка.

– Не у всех. У Паши Дрёмова нет бабушки ни одной.

– Да, не у всех...

Говорить стало не о чем, и Вика теперь стояла и переминалась с ноги на ногу, то опуская глаза в землю, то глядя на Петю, улыбаясь как-то так незаметно (вроде и есть улыбка, а вроде и нет). Красивая она очень, с открытыми серыми (сейчас Петя заметил только) глазами, короткими русыми волосами, худенькая и плоская как палка.

На пацана похожая, но красивая.

Не дождалась Вика приглашения в шалаш и вошла сама...

Села рядышком с Петей, можно дотянуться пальцами до неё, если постараться. И они долго молчали...

Вика разглядывала деревья, задирая высоко головку, порхала будто бы глазами с одной веточки на другую. Петя долго смотрел на неё тайком и взглянул один раз прямо и долго, и сказал в эту минуту, не выдержав больше молчания:

– Вика, я люблю тебя... – он хотел сказать громко и уверенно, как говорят взрослые пацаны, как говорят страшики, но получилось тихо и слабо, и он покраснел до шеи.

Викины глаза резко спустились с поднебесья веток к Пете, который признался в любви.

В глазах был то ли испуг...

То ли ещё что-то такое...

Отчего он почувствовал себя неприятно, виноватым перед ней...

– Зачем ты так говоришь? – спросила она.

Петя испугался (а она тоже испугалась?) и чуть было не заплакал. И чтобы не плакать перед девчонкой, он поднялся и побежал из шалаша, как загнанный зверь, домой...

Очень удивился, как быстро оказался у подъезда, по памяти.

Вот вроде бы сидел рядом с Викой, а вот уже почти дома у бабушки.

Огромный двор показался вдруг маленьким!

Он открыл скрипучую тяжёлую дверь подъезда обеими руками (кто её постоянно закрывает?), взбежал на второй этаж, там подпрыгнул до звонка, звякнул разок, потом другой – и бабушка открыла дверь. Она заметила его слёзы.

– Что это ты, маленький?

И большая бабушка, широкозная и добрая, с красными бусами на шее, привела его на кухню, там накормила лёгкой предобеденной едой – батоном с молоком. Тогда Петю сразу сморило в сон, он ушёл в комнату и уснул.

А бабушка стала готовить пельмени.

Скоро во сне запахло ими, как наяву...

3.

Запахло мукой и мясом, запарило немножко горячими пельменями по комнате. И сквозь этот запах – голос бабушки родной. Вот сейчас позовёт к столу кушать. Потому что любит его, внука своего, Петю...

Тепло ему во сне от запаха пельменей, кухонного пара и любви бабушки – самого близкого человека на свете.

Только говорит она иное, непривычное, вынуженное будто бы из другого мира.

– Петя, к тебе девочка пришла.

Он решил, что показалось во сне, когда пробудился от этих слов. И только Петя выглянул в коридор, чтобы переспросить бабушку, как увидел краем зрения Вику, стоящую во входных дверях квартиры.

Он стоял почти что голый, потому застеснялся, вернулся в комнату и поскорей надел штаны и футболку.

И снова выглянул в коридор, подумав на мгновение, что всё это показалось во сне и что теперь сон, может быть, исчез...

Но это было не так.

– Ну, заходи-заходи, девочка, – говорит бабушка. – Как тебя, говоришь, зовут?

Она спрашивает Вику, выйдя из кухни, и теперь, стоя рядом с Петей, наблюдает за гостьей.

– Вика.

– А у нас пельмени готовы, Вика. Ты бы покушала. С пылу с жару, домашние, из разного фарша. Вкусные, попробуй с нами. Да-да, заходи, снимай обувь на коврике и проходи.

Вика стеснялась, но сняла кроссовки и пошла вглубь квартиры, неуверенно, будто кошка, осторожно осваиваясь в новом пространстве. Она подошла к Пете (он стоял на месте, на выходе в коридор, и ждал), улыбнулась широко и протянула руку.

– Привет, Петя.

– Привет... – пожал эту птичью ручку быстро, будто боясь обжечься, и покраснел, и почувствовал, как покраснелся.

Да что же он такой, краснеет перед какой-то девчонкой!

Петя нахмурился.

Насупил лоб свой гладкий, отчего прорезалась продольная морщинка одна между глаз.

Как у взрослого.

И пошагал на кухню некрасиво, едва не задев Вике плечо, нехорошо, показывая своё недоброе отношение.

Но Вика не беспокоилась, она чувствовала, что Петя злится не по-настоящему, и уже она как будто сжимает, что ли, его в своих нежных объятиях...

Бабушка, накладывая пельмени у плиты (сначала Вике, потом Пете), спросила:

– А ты в каком доме живёшь, Викуля?

– В восьмом. Я там с бабушкой живу. В пятом подъезде.

– Вот и Петенька живёт у бабушки, – говорит бабушка, подавая тарелки с пельменями Вике и Пете. – Родители у Пети деловые, строители. Оба на вахту ездят. Месяц работают без остановки, потом месяц отдыхают. Так свой организм нельзя насиловать, Вика...

Бабушка наливает в стаканы компот черпаком:

– Но дело хозяйское. Сейчас живёт Петя у бабушки, а потом на месяц с родителями уедут на юг, – один стакан полон компота. – Потом ещё куда-нибудь. Будут баловать Петю всякими морожеными, каруселями. Тоже это неплохо. Но разве жизнь это, когда всегда в разъездах, и нет тебе постоянного места?

– Не знаю, – отвечает Вика. – Моя мама тоже уехала на заработки...

– А-а, мама у тебя. Любишь маму свою?

– Люблю маму и бабушку. Они ради меня стараются...

– Это ты хорошо сказала, по-настоящему, как взрослая... Ладно, кушайте. А бабка пойдёт полежит минут десять, поясницу полечит.

«Она сейчас придёт в комнату, – представил Петя, – включит коврик с подогревом (подарок Петиных родителей), ляжет поясницей на него и будет «лечить бока», как она говорит, и, может быть, задремлет ненадолго».

Петя не знал, куда себя девать, когда бабушка вышла из кухни. Во рту пересохло...

Он чуть не поперхнулся пельменем, кушая, но вовремя запил компотом.

И дальше стал очень быстро есть, чтобы поскорей всё это закончилось.

От спешки он громко чавкал.

Вика улыбнулась, глядя на него.

И почавкала тоже, передразнивая Петю.

Он не понял шутки, обиделся, что над ним посмеялась эта девчонка, молча доел, глядя в одну точку, потом в другую точку, поскорей убрал посуду в раковину и вышел из кухни.

– Бабушка, я гулять пошёл! – вот уже говорил Петя, надев обувь в прихожей.

– Идите, я закрою!

– Петя, подожди, – сказала Вика, догоняя его у входных дверей, – пойдём вместе гулять.

– Ага, вместе... – недовольно пробурчал Петя. Но Вику дождался...

– Полдничать только возвращаясь, – сказала ещё бабушка из комнаты. Петя не расслышал просьбу бабушки и уже вместе с Викой спускался вниз (она шагала позади, и он неприятно чувствовал её взгляд, от него будто веяло холодком).

Он встал на улице, разок посмотрел на неё и сказал, вспомнив вдруг, как ответил раз отец его матери:

– Ну и стой, если хочешь, а я по своим делам пошёл!

Вика покраснела, не ожидая такой фразы, сказанной будто в самом деле со зла. Но она тоже кое-чему научилась у матери и сказала:

– Пойдём, Петя, – глядя исподлобья.

– Куда? – только и выдавил Петя от такого самоуверенного взгляда.

– Ты почему такой дурак? – совсем уже она ошарашила Петьку.

Он снова покраснел.

И не знал, как нужно дальше вести себя в подобных ситуациях.

Он почувствовал себя виноватым, и глаза его забегали по пространству двора...

По песочнице и широким железным качелям...

По лавочкам и электрическим столбам...

Он старался не наткнуться на глаза Вики. На её сильный взгляд в этом хрупком теле. Как у птички, прилетевшей издалёка...

– Я тут недавно приехала с мамой, ничего не знаю... Покажи, куда тут можно сходить... Что у вас тут интересного?

Петя подумал-подумал, помялся и сказал:

– Идём.

Ничего особенного он не знал в этой глуши. Для него всё тут было особенное и любимое. Разве что шалаш. Но она там уже была. Тогда можно пойти на старый пруд в низине, рядом с кладбищем...

Как зачарованный Петя пошёл впереди.

4.

За пятиэтажками начинался небольшой частный сектор, а за ними – район с двухэтажками, наполовину расселённый...

Вика шла позади. Она с большим интересом смотрела по сторонам, оттого всё время отставала. Вот самодельная лавка у подъезда двухэтажки, вот кошка в окне первого этажа, вот цветы на подоконнике (герань?), вот собака идёт с грязным брюхом, весело виляя хвостом. Вот длинная куча, заваленная землёй. Раньше тут стоял барак. Потом его снесли и почему-то засыпали землёй, как будто похоронили...

А вот семья, родители и девочка лет пяти выходят из подъезда на той стороне улицы...

А вот надписи странные на стенах: спайс за пятьсот, работа 100 к, фарту масти...

– А ты жил в этих домах? – спросила Вика.

– Когда был совсем маленький.... Моя бабушка и тётя жили. А мы с вместе с ними. Мама и папа. И я.

Вика поравнялась с ним во время разговора. Она смотрела на него, а он смотрел вперёд, волнуясь очень и стараясь одновременно вспомнить хорошенько прошлое.

– Они жили в том бараке, которого теперь нет. Его сломали тракторами и засыпали землёй. Потом они стали жить вот в этом доме на втором этаже. А в подвале там душно пахло.

Теперь тётя купила квартиру в пятиэтажке. И бабушку переселили, только в другую пятиэтажку...

– Интересно ты рассказываешь, Петя.

Только это всё не важно. Потому что скоро они зашли в такую глушь, где и воздух совсем уже другой, и звуки другие, и слышно иногда только дыхание... И Петя снова оказался впереди, потому что тут была узкая тропинка. Петя любил очень гулять тут один, а теперь почему-то ведёт здесь Вику.

А вот и расчищенное местечко небольшое...

Тут брёвнышко, которое он принёс давно для себя. Здесь нужно было сидеть и думать. И чтобы не было скучно думать, можно взять банку с пауком из куста (натуральной маткой) и наблюдать за тем, что там происходит за стеклом.

Он сел на брёвнышко, поставил банку перед собой и смотрел, как будто сам с собой, без Вики. Паучиха ещё не доела мушек, которых принёс ей Петя вчера, и спала сейчас, не двигаясь с места... Вика села рядом и сказала, серьёзно думая:

– Интересно, сколько она живёт?

– Мало... Родит своих детей и умрёт...

Вика очень испугалась того, что сказал он, и обозвала его злым. Петя лишь пожал плечами. «Ну, может быть и злой, не знаю», – подумал.

– Ты иногда очень злой, Петя. У тебя на лице написано, как говорит моя мама. Иногда ты как взрослый дядя...

Петя только промолчал, взял банку, убрал обратно в кусты и предложил идти дальше. Вика не отказалась, но, когда послышалось несколько голосов собак, чем-то очень недовольных, перехотела идти дальше. Нужно было возвращаться, пока собаки их не заметили.

– Они там за забором, они не страшные, – сказал Петя и почувствовал себя немножко хозяином этого уголка планеты. Он будто бы один знал законы, по которым тут всё живёт. А Вика показалась боязливой, даже глупой девчонкой. – Ладно, я пошёл, а ты как хочешь...

И он скрылся дальше по тропинке.

Вика пошла за ним и увидела его на верхушке насыпи, уходящей вверх к рельсам железной дороги. Он ждал, когда Вика появится из кустов, чувствовал, что она просто так не уйдёт. Увидев её, он развернулся и пошагал через рельсы.

Спустился куда-то вниз.

А там, за насыпью, развернулся ещё один посёлок, его отсюда можно увидеть до самого горизонта. И там, на горизонте, начинается бесконечное поле некой высокой гладкой травы и ещё дальше – деревья, лес, далеко-далеко до туда идти. Деревья сливаются в одну узкую и мягкую полоску, отчего хочется погладить её, как домашнее животное...

И собаки вот в самом деле лают за заборами...

Очень уютно здесь наблюдать за посёлком и за горизонтом...

Вика, если честно, чересчур любила стоять на месте и наблюдать... Но и захотелось не просто тут стоять, а пойти дальше, прогуляться до таинственного пруда рядом с кладбищем, который почему-то пока не видно. И она спустилась к Пете, который стоял внизу и ждал. Обернувшись обратно к посёлку, Петя пошагал дальше, слышал Викины шаги по гравию, потом по поселковой земле.

Если присмотреться, можно увидеть детальки. Как вот в щёлочке сплошного забора в низком баке мужик курит сигарету, лёжа затылком на краю бака, глядя на небо. Вода в баке играет солнечными бликами. Хорошо ему там, наверное, сидеть и наблюдать за небом, греться на солнышке, ощущать тепло воды, думать о чём-то своём...

Или парень поднимает домкратом один край автомобиля...

Гуси ходят по дороге и лопочут на своём...

Такие детальки.

Посёлок кончился, и за домами начиналось кладбище, оно тянулось по правую руку.

Слева ещё изредка встречались какие-то дома, сарайки вдоль дороги, тропа сужалась и уводила вниз, погружая в камыши, высокие травы по обеим сторонам. Совсем уже узенькая

тропа приводила на островок суши, рядом с которым был пруд. И если посмотреть по сторонам из этой низины, то можно увидеть крыши домов, торчащие высоко, будто на уровне пятого этажа. Вот так низко находился пруд, куда они забрели, и так высоки здесь были травы. И так здесь тихо было. И одиноко...

Петя очень чувствовал здесь тоску, странное, приятное чувство боли. Вот утки плывут без звука по воде пруда, оставляя за собой водяной клин...

И хочется плакать...

Будто бы жалко было, что нельзя взять и поговорить с этими утками, что он отдельно, а они – отдельно.

Он сел прямо на землю и стал наблюдать.

Вика села рядышком и тоже стала наблюдать.

Они так сидели молча с минутку...

Слушали ветер...

Он так захотел приобнять её, будто мать...

Обхватить эту хрупкую девчонку и согреться от одиночества в её живых объятиях.

Он посмотрел на неё долго. Вика понимала и не понимала, что значит этот его взгляд.

Он уже начинал распахивать руки для объятий...

Неловко пододвигаться ближе...

Сделал бы он это быстрее, она бы и не подумала вырываться...

Но длилось это долго от Петиного стеснения.

И она отстранилась. Испугалась. Встала на ноги. Будто упорхнула лёгкой испуганной птичкой.

Он тоже поднялся на ноги и прихватил её за руку.

Она попыталась вырвать руку, но не получилось.

Тогда он подошёл близко-близко и обнял, прижался к ней, чувствуя свои руки у неё на спине. И заплакал, сам не ожидая от себя такой глупости... А ещё он почувствовал холод Вики. Он обнимал её, а она его нет. Она молча дожидалась, когда он закончит свой странный ритуал. Он до дрожи прочувствовал этот холод, камень, твёрдость, она будто бы могла сломать его как тростинку, если захочет. Неприятно теперь было обнимать её, и он отстранился, отошёл.

Он удивился, как спокоен был её взгляд.

Будто бы только одним взглядом могла с ним сделать что-то нехорошее.

И она молча развернулась, пошла одна обратной дорогой.

Петя даже зашатался от такого потрясения.

Это было очень непонятно.

Он ощутил, как вспотел и как тащило сквозняком откуда-то из пруда, морозило капли пота на спине, и Вика уходила, будто навсегда...

Когда он поднялся по тропинке, то не увидел Вики, так она быстро вернулась обратной дорогой.

Или её вовсе тут не было...

Будто в сказке...

Нельзя исключать и такой вариант...

5.

Через минутку-другую мир стал привычным, и теперь нужно было возвращаться домой.

Мимо кладбища...

Через посёлок...

Вверх по железнодорожной насыпи...

По зарослям, уводящим к двухэтажкам...

Не забыл и глянуть на матку в банке...

Шагает по умирающему району двухэтажек...

И виден уже пятиэтажный дом, где живёт бабушка...

Она накормила его борщом со сметаной, напоила чаем с магазинной маковкой и дала задание пойти за хлебом.

– После этого, – сказала она, – нужно пойти в огород, чтобы там поработать.

Пете нравилось, когда бабушка давала ему подобные задания.

Сам он не любил предлагать помощь, но, если его просили помочь, он чувствовал себя нужным и взрослым. То же самое чувство он испытывал, когда пацаны со временем доверили ему одному охранять шалаш.

На базаре, называемом пятаком, нужно было пройти несколько ларьков, чтобы в бежевом ларьке купить хлеб. Круглый темноватый хлеб «Уральский». Он не очень вкусный сам по себе, но, как говорит Петина мама, с каким-нибудь блюдом раскрывает свой вкус. Петя любил жевать его с борщом, который готовила бабушка. Тогда сводило скулы от удовольствия, примерно так же, как от шипучки. И хотя «Уральский» хлеб не очень вкусный сам по себе, но, когда ты берёшь его в магазине свежим, недавно испечённым, по пути сложно удержаться и не открутить от него мякиш и не пожевать. Только Петя не делал этого больше, с недавних пор...

И очень гордился тем, что приносил бабушке целую булку, невредимую, изнывая от желания откусить. А когда бабушка убирала хлеб в холодильник (чтобы он дольше хранился), он уже не мечтал его откусить, потому что потом занимали другие мысли. Ведь сейчас после чаепития, обязательного перед огородом, начнётся работа, участие в которой Пети очень важно для бабушки. Он спрашивает деловито (как, бывало, спрашивал у кого-нибудь отец):

– А что нам нужно сделать в огороде?

– Нужно полить все грядки, Петька. Я буду из шланга орудовать, там, где это получается, – говорит бабушка, жуя имбирный пряник с чаем. – Но капусту полить так не получится. Придётся тебе с ведёрком ножками походить и вылить под каждую капусточку... Только нельзя лить на листья, ты это помнишь? Они могут сломаться или перегреться от солнышка.

– Помню, – коротко отвечает Петя и блистает ещё одной отцовской фразой. – Если я берусь за что-то, то всегда делаю хорошо.

– Молодец... Как вы там с Викой погуляли?

– Да так... – Петька покраснел до ушей.

Он уже забыл про Вику.

А бабушка вдруг напомнила про неё.

Неприятно обдало холодком...

А что, если Вика заблудилась там?

Бабушка только потрепала его по головке и больше ничего про Вику не спросила. На шее у бабушки висели приятные для глаз бирюзовые бусы, с крупными бусинами. Когда-то, говорят, она отказала пяти мужчинам, прежде чем найти своего мужа Костю...

Петя очень расстроился, подумав, что бросил там Вику. Начал фантазировать себе, что она теперь умрёт, станет русалкой или ещё что...

А когда пришли с бабушкой в огород и начали работать, дурацкие мысли ушли, хотелось думать о другом. Он внимательно, со старанием, двигая напряжённо губами, поливал каждую лунку распушившейся капусты. Потом с серьёзным лицом собирал в мешок морковку, которую бабушка выдирала из грядок, согнувшись буквой «гэ». Они вдвоём утащили мешок морковки в квартиру, поставили на балконе. Бабушка достала из холодильника борщ, разогрела на электроплите. Петя скоро с большим удовольствием кушал борщ со сметаной и корочкой «Уральского» хлеба. Несмотря на то, что суп был вчерашний, а хлеб подмороженный, скулы всё равно сводило, как от шипучки. Потом Петю сморило в сон, и он пошёл спать в комнатку.

Проснулся от звуков за окном со стороны кухни...

Погода разгулялась, и бабушка открыла кухонное окно, чтобы проветрить квартиру.

Оказывается, это слышны голоса мальчишек и стук мяча. Петя захотел присоединиться к ребятам.

Они попросили его встать на ворота, потому что Петя был плохим игроком на поле, но отличным защитником ворот. И ему нравилось, что его ценят за это. Он стоял на воротах со всей ответственностью. Весь вечер прошёл в футбольной игре, до самых первых сумерек, когда остались играть только четверо, потом трое. Бабушка позвала из окна домой...

Петя засыпал довольный собой и днём, проведённым с пользой...

6.

Она пришла чуть свет, на следующее утро...

Бабушка мыла пол в квартире, и было слышно, как она водила шваброй в коридоре. Позвала Петю, сказала, что к нему пришли...

По ощущениям было так рано, как бывает, когда тебе нужно собираться в школу. В полусне он даже не оделся и прошёл коридор в одних трусах.

Коридорные стены пересекали оранжевые тревожные полосы от восходящего солнца.

А в подъезде, за порогом, был полумрак раннего утра. Вика никак не посмеялась или не застеснялась, что он вышел в таком виде, поглядела на него серьёзно, спокойным взглядом, похожим на море...

Вика смотрела из подъезда полутенью, неясным образом в слабом утреннем свете...

Ведьмой, может быть, или русалкой...

Мёртвой какой-нибудь, полуживой...

– Почему ты там стоишь? – спросил он её, и дальше слова заплелись как заклинание, – Вика, ничего с тобой не случилось вчера?

– Ты чего, Петя? – сказала она строго и звонко, с этой нежной девчачьей интонацией.

И этот голос отрезвил его, Петя проснулся окончательно, таким голосом разговаривают обычные девочки, а не ведьмы или русалки.

Бабушка шумела шваброй по кухонному полу...

В коридоре в слабом свете летали какие-то пылинки.

– Ничего я, – ответил Петя.

– Тогда пошли гулять... Я соскучилась.

Он молчал. Бабушка, видно, не глупая женщина, потому прислушивалась, что они там говорят. Она и ответила вместо стеснительного Пети:

– Подожди, Вика, он умоется, позавтракает и тогда выйдет погулять. Приходи через час.

– Хорошо, – ответила Вика громко и сказала отдельно Пете, почему-то потише, хотя это было ни к чему, – я приду через час.

Петя привёл себя в порядок, как подобает утром это делать хорошим мальчикам: зубы почистил, вымыл «каки» из глаз, причесался. Когда он будет сидеть за столом, причёска исчезнет, конечно, потому что Петя растеребит волосы, но бабушка настаивала на этом ритуале. Она тоже делала свои процедуры ещё до того, как Петя проснётся. Щёчки припудривала немножко, угорьки выжигала, шишечки всякие, если таковые имелись, причёсывала свои короткие седые волосы.

Ещё она любила носить красные как кровь бусы или бирюзовые, даже дома...

А если выбиралась из дома в гости, то выделялась на фоне других пенсионерок некоторой сдержанной вычурностью в одежде, цветастым нарядом, отчётливо подведёнными бровями и ресницами...

Когда-то она была одна из первых молодых красавиц, а теперь вот бабушка, но некоторые особенности прошлой натуры можно уловить...

Бабушка особенно чувствовала все эти «амурные вопросы». И вот за завтраком, когда кушали кашу, она оторвалась ненадолго от своей ложки и стала наставлять Петю:

– Вика девочка неплохая, но вертихвостка... Она влюбилась в тебя. Если будешь себя вести как тютя, то всего тебя измучает и уйдёт. А если поведёшь себя твёрдо, мужественно... Эх, Петя, маленький ты ещё, чтобы всё это тебе растолковать, как следует. Осторожней будь с ней... Сильно не влюбляйся в неё, это вредно – влюбляться, быть без ума. Много мужиков это погубило...

Бабушка ещё немножко поговорила мудрости, не совсем понятные для Пети (кое-что он всё же понял – про то, что с девочками надо быть осторожней, – но он и так это знал).

Солнце красным шаром поднялось в конце улицы, оно слепило глаза, если смотреть на него через окно...

И тут зачирикали птички из квартирного звонка. Наверняка пришла Вика.

– Ну иди, открывай, – сказала бабушка.

И, стоя на пороге, глядя на неё, Петя спросил твёрдо, одной из отцовских фразочек:

– Ну и чего?

– Идём гулять, Петя.

Он молча надел обувь (штаны и футболка были на нём уже уличные) и вышел в подъезд. Она уступила ему дорогу на лестницу.

– Бабушка, закройся! – крикнул он в квартиру и прикрыл дверь.

Они молча спускались вниз, Петя и Вика. Как и вчера: он впереди, а она за ним. Петя вдруг вспомнил вчерашний холодок по спине от ветра, её холодный взгляд, и стало неприятно...

– Петя, стой, – она схватила его за руку перед самым выходом из подъезда, увела в темноту под лестницу и там в темноте поцеловала разочек, потом ещё разочек.

– Ты хороший, Петя, – говорила она ласковым голосом. – Я буду тебя любить.

Он почти не видел Вику в темноте под лестницей и плохо понимал, что сейчас происходит, что нужно делать со всем этим. И не дав даже едва разобраться в случившемся, хотя бы привыкнуть глазами к темноте, Вика выбежала из подъезда, и на Петю дунул прохладный утренний ветер улицы.

На мгновение свет из открытых дверей раскрасил мрак под лестницей...

Резанув непривыкшие глаза...

Дверь быстро закрылась обратно, скрипнув пружинами...

И оставила Петю снова в темноте.

Он постоял, послушал, то ли звуки подъездные...

То ли себя изнутри...

И вышел на улицу.

Раз уж вышел он из дома, то нужно хотя бы прогуляться по району. И немножко позже можно зайти в гости к Диме Сапогову.

Родители друга Димы уходят рано на работу, и тогда Дима сразу же встаёт с кровати, включает игровую приставку на телевизоре. Мама Димы Сапогова приходила с работы уже в два-три часа дня, поэтому надо успеть наиграться. А поздно вечером приходил Димин папа, с которым можно было играть без всякого разрешения. Отец сам приглашал Диму за приставку, чтобы там посоревноваться в рестлинге или футболе (это были любимые игры отца и сына). Папа при этом был строг кое в чём: давал ему на день задания, которые нужно было выполнить. Прочитать книжку, сходить в магазин, покормить рыбок и проч. Дима вставал пораньше, чтобы и в приставку наиграться втихаря, и дела все успеть. Часам к восьми утра Петя уже пришёл к Диме Сапогову, постучался в дверь.

– Предупреждать надо, дурак ты, что ли! – шепчет яростно друг, приоткрыв дверь в квартиру.

– Я сам не знал, что рано буду у тебя, – оправдался Петя, и вот уже через несколько минут они играли в приставку: рестлинг, ёжик Соник, контра: хард корпс. Незаметно подошла половина второго часа. Вот-вот должна была вернуться с работы мама Димы Сапогова. Потому сейчас он проводит Петю, быстро перекусит и начнёт заниматься каким-нибудь делом, ничуть не лентяш.

Петя почувствовал, как заурчало в животе, когда он вышел из подъезда Димы Сапогова, потому он пошёл к бабушке поесть.

Бабушка накормила его домашними пельменями, которые остались после последней лепки и хранились в морозильной камере. После обеда Петю сморило в сон.

И он проспал до тех пор, пока не услышал крики мальчишек за окном...

Он посмотрел в окно и увидел, что пацаны бегают по гаражам через дорогу. Гаражные крыши переходили одна в другую, и оттого можно было долго по ним бегать и даже догонять друг друга. Правда, Петя один раз упал, играя так в догонялки, упал очень больно на спину, запнувшись о гудрон, но его ничуть это не испугало.

Он поскорей оделся и быстрым шагом пришёл к мальчишкам, прибежал почти что, чтобы присоединиться к их игре.

Но их уже не было...

Он прошёлся вдоль гаражей, и когда проходил около закутка, густо заросшего высокими деревьями, услышал:

– Петрушка-петрушка, на по макушке, – и Петя увидел, как рядом с ним на землю западали тут и сям ранетки. Одна из них и правда попала ему по макушке. Тогда он понял, что пацаны находятся на этих высоких деревьях и рвут ранетки, и посмотрел на них. Отсюда, снизу, они выглядели как аборигены из книжек, нецивилизованные жители деревьев.

– Вы офигели! – крикнул им Петя и сам стал забираться на одно из деревьев.

Вместе с пацанами он нарвал ранеток, набил полные карманы шорт и съел-схавал штук десять.

После деревьев с ранетками пацаны пошли в шалаш.

Там они рассказывали страшные истории, то ли из жизни, то ли из сказки, то ли не пойми что...

Иногда истории сочинялись коллективно на ходу:

– А я однажды видел, как кто-то смотрел на меня с высокого дерева.

– У меня такое же было!

– Это Пиковая дама!

– Да, она следит за тобой, а потом показывает титьки! Я так однажды ночью проходил мимо дерева на школьном дворе, и она мне показала...

– Там же темно было!

– А они светятся в темноте, чтобы их видно было...

Такие истории могли растягиваться и дальше, под общий смех. И у некоторых были сомнения, правду это рассказывают или нет.

Дальше пришёл ещё один пацан и позвал на школьный двор, чтобы подраться со старшиками.

Такое бывало, что толпа пацанов шла на разборки со старшиками.

По большей части было понарошку. Ну, попинают друг друга под зад, поваляются на земле два-три человека, а остальные стоят и смотрят, жуя ранетки или болея за товарища по типу: «Лёха, втащи ему!»

Дворы знали разборки настоящие, когда били до крови на снегу. Или до сломанных ребёр. До сотрясения мозга. Но в таких последствиях было виновато хулиганье, особые ребята, которых боялись обычные дворовые пацаны, как Петя, Дима Сапогов и даже обычные старшики. И все держались от них подальше.

А после «драки» ребята шли играть в футбол как ни в чём не бывало.

Потом футбол надоел...

Потому переключались на другие игры с мячом – козла, квадрат, триста...

Проигравших «распинавали» под зад мячом с расстояния нескольких шагов...

И много было всяких развлечений за весь день.

Под вечер Петя проверил матку в банке. Она выпустила паучков. Петя открыл крышку, дав паучатам свободу...

Вечером, когда уже хотелось спать, Петя, сжав зубы, зевая сквозь них, со всей ответственностью выполнил просьбу бабушки – помог ей полить грядки.

День снова прошёл с пользой.

7.

Она явилась рано утром...

И снова утянула его под лестницу...

Петя чувствовал, что снова *это* будет, спускаясь вниз, и весь покраснелся, ожидая со страхом...

– Петенька, мы любим друг друга, и у нас потом будут дети, – говорила она тихо в темноте...

Под лестницей неприятно пахло...

И только она хотела убежать, как и в первый раз, он схватил её за руку, прижал к себе. Она была очень холодная с улицы, как ледышка.

– Петя... – вздохнула Вика и вся задрожала. – Ты чего такой горячий?

«Я пельмени ел», – хотел было сказать он (потому что бабушка в самом деле сварила ему с утра несколько «пельмешей»), но не сказал. Он только рассмеялся, подумав, как глупо в самом деле было бы, если он сказал бы так.

– Ты чего, Петя? – спросила она, подумав, видимо, что он смеётся над ней. И тут Петя поцеловал Вику в губы. Он долго целовал, пытаясь понять, как это делается. Получилось плохо, он только облизывал ей лицо. Но Вике понравилось, что с ней сделал Петя.

И вот они уже идут гулять по оранжевой, немного прохладной улице, взявшись за руки. Громадное облако в небе рассекает апельсиново-нежный утренний свет...

Такое было чувство, что началась большая любовь...

Петя теперь меньше хотел быть с пацанами...

Теперь он чаще уходил в тихое место и там думал, слушал звуки, вдыхал запахи, наблюдал за движением облаков в небе, ложась на траву спиной. Он даже перестал бояться клеща, который мог укусить его за голое тело (одну родственницу, помнил он, парализовало от этого). И только насытившись сполна запахом цветущих трав, звуками птиц, шелестом ветра, беготнёй облаков, приятной синевой неба, наговорившись с утками (он приходил на пруд и кричал им что-то, улыбаясь), Петя возвращался в родной двор. Если встречал там мальчишек, то присоединялся к их занятиям отдохнувшим.

Дима Сапогов вынес отличный дорогой мяч, он хорошо отскакивал от ноги. И все стали играть. Петю, конечно же, поставили на ворота. Дима Сапогов был нападающим. В защите были мальчишки помладше года на два-три.

Петя отбил мяч один раз...

Второй раз...

Третий...

Четвёртый...

Пропустил, отбил, пропустил, пропустил...

Много раз мяч пролетал мимо ворот, один раз отскакивал от перекладины. А один раз мальчик, стоящий в защите на стороне Пети, так неумело, но так сильно замахнулся для удара, что накатил мяч на ногу и подкинул его вверх. Тот улетел высоко-высоко, поднявшись до самого пятого этажа. Петя рассмеялся, рассмеялись ещё двое, это в самом деле было смешно. А самое удивительное, что, спускаясь с небес, мяч чуть было не попал во вражеские ворота. Но вратарь отбил его.

– Надо было посмотреть, залетит или нет! – досадовал один мальчишка.

– Да он точно бы влетел! – оправдывался вратарь.

– Вы и так выигрываете на три очка!

– Ну и что! – не отступался вратарь.

Назревала обида. Рождалась драка. Но тут мальчишки приличные. Стоило только одному из других мальчишек начать разнимать эти двоих, они сразу успокоились. Футбольная игра продолжалась.

А Петя никогда не понимал, из-за чего тут ругаться. Из-за мяча? Тут, конечно, дело было в том, что хотелось посмотреть, как поведёт себя мяч, летящий в ворота от необычного удара, с высоты пятого этажа. Но не драться же из-за этого!

А когда за сеткой он увидел Вику, шагающую мимо футбольной площадки со своей мамой (это же её мама?), то сказал что-то пацанам и, не раздумывая, ушёл.

Он забежал немножко вперёд, чтобы Вика увидела его. И ещё оглянулся разок назад, улыбнулся ей. Мама Вики тоже улыбнулась, она была ослепительно шикарна, как

фото модель, какие бывают по телевизору (бабушка Пети иногда смотрела телевизор по вечерам). Потом он глянул на Вику ещё раз, когда сворачивал за угол дома (своего дома, где жила бабушка). Он надеялся, что Вика поймёт его и отпросится у мамы.

И стал дожидаться за домом...

Он взглянул из-за высокой травы на бабушку, которая работала в огороде...

И стал дожидаться Вику...

И вот она пришла (чудо!), отпросившись, видимо, у мамы. Они хорошо обнялись и поцеловались. Потом он сказал Вике, чтобы она подождала его здесь и пошёл до бабушки, у которой взял ключи от квартиры.

Они вдвоём пошли к нему в гости, как будто совсем взрослые.

И лежали там на его диване, обнявшись.

Молчали...

Он целовал её в губы, уже лучше, не слюнявя ничуть ей лицо.

А бабушка вернулась совсем скоро (чёрт бы её побрал!).

Вика убежала на кухню и спряталась между мойкой и холодильником.

– Петька, ты почему двери не закрываешь?!

– Я забыл, извини, бабушка!

– Больше не получишь ключи. Давай их сюда!

Петя пришёл в коридор, где бабушка кряхтела, снимая садовые сапоги, и протянул ей связку.

– На тумбочку, вот там положи.

Только минут через двадцать Петя дал уверенный сигнал Вике из коридора, что бабушка уснула и теперь можно пробегать на цыпочках. Он тихо открыл ей защёлку входной двери, и она ушла.

Петя пришёл на кухню, сел там на стульчик, подумал...

Поулыбался...

И, взяв сковородку с макаронами и котлетами, наложил себе порцию, разогрел в микроволновой печи. Когда пообедал, его сморило в сон...

Он ушёл в себе в комнатку, разделся и сладко заснул.

Вечером Петя посидел с ребятами в шалаше, потом подежурил там недолго один, думая обо всяком, и ушёл домой.

День как день.

8.

Вика не появлялась несколько дней. Говорили некоторые, кто с ней общался, что уехала с мамой в Москву, навсегда...

Пете неприятно было слышать такое. Он не хотел, чтобы Вика уехала навсегда. Он хотел видеть её, обнимать и целовать. Как же так, что она уехала и даже не попрощалась! Петя вдруг сразу почувствовал, как дорога она ему, будто родной человек...

Будто бы даже роднее бабушки...

И однажды, через несколько дней, как исчезла, она пришла чуть свет, ранним утром...

И поскорей повела его за руку через дворы, залитые оранжевым светом, в пятиэтажку, в которой она живёт (или жила?) с бабушкой.

– Куда мы идём, Вика?

– Подожди... – только отвечала она и улыбалась.

Там она повела его в последний подъезд. Он помог ей открыть тяжёлую деревянную дверь.

– Куда мы идём? – ещё раз спросил он.

– Иди-иди, Петя... Там, наверху...

Он снова шёл впереди. До самого верха. До пятого этажа, где была вертикальная лестница на чердак. Он вздрогнул от страха, когда увидел железный прут в её руках, непонятно откуда взявшийся.

– Ты что, Вика?

Он схватил её за руку, в которой была железяка.

– Не бойся, дурак...

Она улыбалась туманно... Спокойно освободив свою руку с прутиком, поднялась по вертикальной лестнице до чердачной дверки, всунула прутик в кольцо маленького чердачного замка и умело, одним движением сломала его.

– Наши мальчишки научили, спроси у них, – ответила она, когда спустилась и увидела вопрос в Петиных глазах. – На, положи прутик у лестницы... И поднимайся за мной. Только тише, нас могут услышать соседи.

Вика поднялась обратно и с трудом подняла чердачную дверцу, откинула её куда-то вверх.

Скоро, пройдя через пыльный мрачный чердак, они оказались на крыше дома. Здесь дули вольные ветра и было видно многое...

Петя ни разу не видел мир с такой высоты. Конечно, бывало, с высоты аттракциона в парке развлечений, но тут немножко другое. Тут ведь его любимый район, бабушкин район, и, куда ни посмотри по сторонам, всё знакомые места. Вот качели, с которых он упал когда-то и ударился копчиком. Вот гаражи целиком, по которым он любит бегать с пацанами. Густые заросли, за которыми начинаются двухэтажки. Железную дорогу, посёлок за ней и пруд – уже не видно, и это обидно немножко...

Но всё равно тут интересно.

Только не за этим привела его сюда Вика. Она взяла его за руку, стала ложиться на пыльную крышу, притягивая легонько к себе, и провела его рукой по своему птичьему телу, по запретным местам, которые не положено трогать, когда вам мало лет. Она притянула его к себе ещё ближе и попыталась руководить им без слов, чтобы он сделал что-то страшное.

И хотя он и не сделал, что она хотела от него...

Было полное ощущение, что он сделал что-то плохое...

Что довёл дело до конца.

И не мог выдержать этого, расплакался, закрыл глаза, лёг на неё и обнял...

И больше не чувствовал её холода, не было никакого камня её тела.

Они так долго пролежали...

– Петенька, нам пора идти.

Он послушался её, поднялся, встал на ноги. А Вика, прекрасная Виктория лежала на крыше и смотрела на него.

Петя заметил, что она будто изменилась: скулки были очерчены, а волосы отросли уже, не были теми коротышками и немножко распустились крылато по крыше. Она выглядела страшно красиво, как ведьмочка или русалочка...

Одного Петя не заметил: с какой живой лаской, живой близостью смотрели теперь Викины глаза...

Он потом это понял, вспоминая Вику...

Вспоминая Викторию...

Слушая сверчка, запрятавшись в кустах...

Глядя на уток, плавающих в пруду, оставляющих водяной клин за собой...

Через пару дней она уехала окончательно, не сказав ни слова, не попрощавшись. Он мог бы узнать у Викиной бабушки точнее, но ещё не умел этого делать: узнавать то, что хотел. Да и не хотел он ничего узнавать. Не понимал ещё, не осознавал ещё, но чувствовал, что есть в мире много вещей, которые стремятся поскорей закончиться, не успев толком начаться.

Он хотел бы научиться разговаривать с утками...